Текст · 5 февраля 2025, 09:48
Егор Федоров,

«Зачем они меня пиздят, как гопота в подворотне?» Рассказывают россияне, избитые во время протестов и выдворенные из Грузии

В Грузии уже больше двух месяцев продолжаются акции протеста против приостановки евроинтеграции страны. На митинги выходят в том числе некоторые россияне, покинувшие Россию из-за вторжения в Украину. Некоторые из них были задержаны и, как и многие другие демонстранты, жестоко избиты спецназом. После штрафа или административного ареста суды выносили решения об их выдворении из Грузии. Трое таких россиян рассказали «Медиазоне», почему они решили выйти на митинги, как их избивала полиция и чем суд в Тбилиси напомнил им российские суды.

«Кто-то из спецназовцев ходил и пинал всех ногами». Дмитрий[1]

Айтишник Дмитрий уехал из России с началом войны: «Спокойно я бы не сидел, а подставляться и садиться неохота». На протесты в Тбилиси он пошел осознанно: «Я был там, чтобы потом, через годы, я мог сказать, что не прятался, а поддерживал людей». При задержании его побили спецназовцы. После ночи в полиции отвезли в суд, назначивший 10 суток ареста. «В России я уже получал сутки ареста за мирный протест, и суд в Тбилиси по духу был очень похож на него». В изоляторе его даже посещал следователь, расследовавший превышение силы спецназом, но о

возбуждении дела ничего не известно. Миграционная служба ходатайствовала о выдворении Дмитрия, он уехал из Грузии, не дожидаясь решения суда.

Я приехал в Грузию на 11-й день войны, 3 или 4 марта. Мне не хотелось оставаться в России, когда она воюет с Украиной, так как у меня в Украине семья. Я не хотел платить налоги, поддерживать войну, и я чувствовал, что просто так не усижу: пойду на демонстрацию, протест и быстро окажусь в изоляторе или в тюрьме. Спокойно я бы не сидел, а подставляться и садиться неохота.

Я айтишник и от переезда в Грузию не терял работу, поэтому для меня переезд был относительно комфортным. Даже если бы не война, у меня еще много лет назад были планы, что хорошо было бы переехать в Грузию на пенсию. Я люблю горы, море, это красивая, теплая, хорошая страна. Один из планов на жизнь был, что я останусь в Грузии: куплю квартиру, потом, может быть, дом, потихоньку получу гражданство и буду тут жить. Поэтому я следил за политикой, мне хотелось, чтобы Грузия была нормальной, спокойной, законной, цивилизованной страной. Я учил грузинский язык, следил, какие условия нужны для получения гражданства.

Когда правительство Бидзины Иванишвили попыталось первый раз принять закон об иностранном влиянии в 2023 году, я приостановил изучение грузинского, потому что понял, что, похоже, придется уезжать. Грузия — хорошая страна, но если ее правительство движется в сторону режима России и Беларуси, то на всю жизнь оставаться в ней неохота.

Когда в 2023 году начались протесты [против попытки принять закон об «иноагентах»], я выходил на некоторые акции, но я не какой-то хардкор-активист — я ничего не бросал, не кидал, не кричал. Я просто был там, как и большинство простых людей, которые выходят на демонстрации, чтобы потом, через годы, я мог сказать, что я не прятался, а тоже поддерживал людей.

Когда закон об «иноагентах» отклонили в первый раз, я воспринял это очень положительно: казалось, что тех, кто хочет жить по-европейски, в стране больше, и это был плюс для меня. В мае 2024 года, когда законопроект об иностранном влиянии рассматривался вновь, я снова вышел на митинги.

«Грузинская мечта» на словах движется в Европу, отодвигаясь от нее в реальности. Они просто врут и говорят противоположное тому, что делают, — не очень понятно, как люди за нее голосуют. Мне кажется, если бы Европу раздражал какой-то другой закон, то «Грузинская мечта» попыталась бы принимать его.

Когда закон все же приняли, я ждал, что будет дальше, был на распутье. Думал, если Иванишвили по итогам осенних выборов останется здесь еще на четыре

года, значит, надо собираться к отъезду. Эффективно бороться за смену власти, как грузины, я не могу, потому что я иностранец, меня очень легко выбить из игры. В ноябре снова начались митинги, и они продолжаются до сих пор.

Митинг и задержание. «Кто-то из спецназовцев ходил и пинал всех ногами»

Я был на второй день протестов, в ночь с 29 на 30 ноября, пришел, чтобы выразить свою гражданскую позицию, быть «плюс один». На видео акции выглядят очень бурно, потому что журналисты снимают экшен: фаеры, дым, газ и все такое. На практике такой активностью занимаются обычно молодые ребята, а большинство людей стоят сзади, ходят, разговаривают — я был среди них.

После шести утра, когда открылось метро и народу поубавилось, начался разгон протестующих. Спецназ с полицией вышли на проспект Руставели с соседних улиц, примерно два квартала попали в окружение. Стало понятно, что пора уходить, но уходить было уже некуда. Спецназ сбил людей в кучу, как овец, и стал их задерживать.

Началась паника, все происходило быстро. Часть толпы прижали к стене отеля *Marriott*. Силовики сделали для людей коридор, чтобы они могли выходить по направлению к станции метро «Руставели». По краю коридора стояли спецназовцы, примерно каждый третий с палкой. Кого-то, кто подвернется под руку, били. Я стеснялся лезть внутрь толпы, потому что там были девушки, пожилые люди, поэтому время от времени получал удары.

Меня понесла толпа, и вдруг на ступеньке я упал лицом вниз. Передо мной оказалось лицо лежащей девушки, у нее шла кровь из носа. Я оперся на руки, чтобы не придавить ее полностью и дать ей возможность сгруппироваться. В таком положении я пробыл секунд пять-семь, потом встал и пошел дальше с потоком людей.

Для меня это был самый страшный момент из той ночи, потому что когда человек так падает, ему можно случайно наступить на шею или на голову — и вполне, как мне кажется, может случиться смерть. Все это произошло из-за непрофессиональных действий спецназа: если бы у них была цель дать людям выйти, если бы они расширили коридор хотя бы метра на три, то этого ничего бы не было.

Я вышел из коридора и пошел быстрым шагом по Руставели. Шло беспорядочное хватание людей: возьмут девушку, она закричит, ее отпустят, потом схватят кого-нибудь другого. Кто-то из спецназовцев ходил и пинал всех ногами. Вот такой бардак был.

Ко мне подошли двое спецназовцев в черных масках и без опознавательных знаков. Меня задержали не

целенаправленно, просто под руку подвернулся. Я сказал, что я русский, не журналист, меня скрутили и повели обратно к площади перед парламентом. По пути меня несколько раз ударили в лицо, давали подзатыльники, хотя я не вырывался и не обзывался. По дороге с меня сняли шапку и выбросили ее. Еще в кармане у меня лежал фонарик, спецназовцы достали его и забрали себе.

На площади перед парламентом уже стояла маршрутка, полная задержанных, было человек двадцать. Меня сфотографировали, спросили имя и фамилию. Перед посадкой у меня забрали телефон и еще немного побили: в основном целились в лицо, кровь попала на куртку и на штаны.

По рассказам других ребят знаю, что людей в маршрутке били более серьезно. Я это не застал, потому что меня привели последним, поэтому жаловаться, что меня как-то сильно избили, мне неудобно. Ни телефона, ни наушников, ни фонарика, ни поясной сумки я так больше и не увидел. Связаться с кем-то у меня возможности не было.

Спецназ передал нас полицейским. Меня снова сфотографировали, посадили в легковой автомобиль и повезли в участок. При составлении протокола задержание было оформлено так, что никакого спецназа и избиений не было, а меня как будто задержали в семь утра сами полицейские, хотя разгон начался раньше.

Фото: Irakli Gedenidze / Reuters

В полиции и КПЗ. «Грузии сильно выделываться не стоит, надо не высовываться»

В полиции много времени прошло в ожидании: сначала ждали переводчика, который переведет документы полиции на русский язык, потом ждали, когда станет понятно про места в КПЗ. Мне предложили медицинскую помощь, но я отказался.

В участке были относительно адекватные, нейтральные сотрудники, нас не унижали. Некоторые даже подходили поговорить про политику: «Что ты, русский, тут делаешь? Ты протестуй в России, не фиг здесь протестовать, все из-за вас».

Я не понимаю, как у полицейских уживается такое двоемыслие: они не очень любят Россию, часть из них воевала в Цхинвале, но при этом они поддерживают «Мечту». Один дядечка рассказал, что его мировоззрение такое: Грузия — страна маленькая, а Россия — большая и грозная, и поэтому Грузии сильно выделываться не стоит, надо быть осторожнее, хитрее и не высовываться.

Уже ближе к вечеру нас повезли в КПЗ, кажется, в Загеси, и потом еще там мы ждали долго. В КПЗ сотрудники вели себя корректно: у меня сняли

отпечатки и отправили в камеру на четверых человек, там уже были другие обычные протестующие. Нормальные ребята — им друзья приносили передачки, они делились со мной.

В КПЗ нас посещал представитель омбудсмена: меня расспросили об обстоятельствах задержания, предлагали бесплатного адвоката, но я по глупости отказался, сказал: «У вас, наверное, есть более серьезные дела». Сейчас понимаю, что это было неправильное решение. В полицейском участке у меня почему-то сложилось впечатление, что по моей административной статье о неподчинении полиции[2] либо нет штрафа, либо он будет маленький.

Суд и арест. «Чем больше ты выступаешь, тем жестче наказание хочется дать»

На следующий день меня забрали в суд[3], добрались мы туда ближе к вечеру, на улице был полумрак. Завели в подвальное помещение, где мы вместе с полицейскими очень долго ждали заседания. Внутри было холодно, я по глупости не оделся потеплее, поэтому ждать было тяжело. Судить меня начали ближе к ночи. На заседании сгруппировали три административных дела в одно: был я, еще один русский парень и грузин. Каждому по очереди озвучивали суть обвинения и так далее.

Суд был странный, потому что судья, по-видимому, уже знала, какое наказание хочет нам дать. Она спросила, случайно ли я оказался на акции. Я признал, что был на акции, но напирал на то, что был там мирно и что в моем понимании нормальное право

человека — не быть избитым и не быть задержанным. Потом стало ясно, что мои выступления ни на что не влияют, а может быть, только злят судью: чем больше ты выступаешь, тем жестче наказание ей хочется тебе дать.

Свидетелем по моему делу выступал полицейский, к которому я был прикреплен в участке. У меня с ним сложились нейтрально-добродушные отношения, но на суде он сказал, что полтора часа наблюдал, как я кричал по-грузински: «Рабы», «Монебо» — и махал руками на Руставели. Из его свидетельства складывалось впечатление, что он видел меня на акции, взял себе на заметку, что меня надо задержать, и спецназ специально для него меня задержал. Но по факту спецназ задерживал всех, кто попался под руку, а потом людей раздавали полицейским. Когда у меня спросили, есть ли у меня вопросы к свидетелю, я спросил: «Вам врать не стыдно?».

Обвинение попросило мне максимальное наказание: 15 суток ареста. Мне назначили десять. В 2018 году в России я уже получал сутки ареста за мирный протест, и суд в Тбилиси по духу был очень похож на него. С одной стороны, мне хотелось опротестовать решение, потому что суд был явно несправедливый: запрашивать 15 суток и давать десять по делу даже без видеодоказательств — это перебор. Кому-то, например, назначали штрафы. Но у меня уже не было сил, было ощущение, что это уже отчасти бесполезно.

После оглашения решения нас снова спустили в подвал, там сидели другие задержанные, которым дали сутки. Мы стали ждать, когда нас повезут в изоляторы. Один грузинский парень подошел ко мне,

спросил: «Ты из России?». «Да». И он, ничего не расспрашивая, сказал: «Спасибо, что поддерживаешь нас».

Примерно 20 человек посадили в автобус, и нас вместе с полицейскими начали развозить по разным городам. Меня привезли в Багдати, городок недалеко от Кутаиси. Посадили в одну камеру с другим парнем из России. Врач в изоляторе зафиксировала у меня синяки на лице. Через пару дней у меня заболела шея в районе ключицы, стало трудно спать, видимо, была трещина, но сейчас я не жалуюсь.

На какой-то день в изоляторе я нашел в камере листочек с правами арестованных, там был пункт о том, что у меня есть право на звонок. Я хотел сообщить на работу о своем задержании, но я не знал номер. Попросил сотрудников изолятора открыть сайт места работы, где были указаны контактные телефоны, чтобы я или они могли позвонить, но мне ответили, что «не положено». К концу срока коллеги все же нашли меня, отправляли передачки.

В изоляторе нас посещал следователь из отдела по особо важным делам, которого интересовали действия спецназа. Он был немножко злой, но как будто не на меня, а на спецназ. Он попросил не стирать и не выкидывать одежду, на которой была кровь, а передать ее в качестве вещдока. После освобождения со мной следователи связались только через две недели; к тому моменту я решил, что мне уже не позвонят, и постирал все вещи. Потом я их все же сдал, но следов крови уже не было. Я спросил, когда мне их вернут, мне ответили: «Ну, это займет время, материалы собирают, месяца через два-три вам

позвонят». Я понял, что никого в ближайшее время наказывать не будут.

Меня отпустили из изолятора ровно в семь утра. На выходе стояли трое полицейских, которые попросили пройти с ними, чтобы составить протокол. Я спросил, что за протокол. «Узнаете». Протокол составляли полтора часа, полицейские с кем-то созванивались, писали его под диктовку. По сути, это было уведомление о явке в миграционную службу на следующий день, и можно было бы просто дать эту бумажку под роспись, но у них это почему-то заняло столько времени.

На выходе у меня не было ни кошелька, ни ключей от дома, ни телефона: все вещи остались в полицейском участке в Тбилиси. Если бы не друзья, с которыми мы скооперировались, я бы оказался на улице один без ничего.

Ходатайство о выдворении. «История с преследованием меня взбодрила»

На следующий день я поехал в миграционную службу вместе с адвокатом для собеседования. У меня спросили: где учились, где жили, в каком году и куда переехали, зачем приехали в Грузию. Спросили, какие у меня политические взгляды: «Протестовали ли в России? Протестовали ли здесь?». После собеседования мне позвонили из суда, чтобы уведомить о том, что миграционная служба ходатайствует о выдворении меня. Сказали, что судья будет рассматривать документы и принимать решение без присутствия сторон.

В ходатайстве миграционной службы говорилось, что они просят выдворить меня в Россию. Нам с адвокатом дали три дня, чтобы мы прислали документы в мою защиту. Мы подали документы, и в течение месяца, до 16 января, суд должен был принять решение.

Прошла неделя, но мне и адвокату так никто и не позвонил, а потом начались новогодние праздники. Я опасался, что может получиться так, что решение по мне примут еще в декабре, а меня об этом не уведомят и потом просто возьмут под стражу и выдворят в Россию. Я решил не ждать и сам 12 января уехал из Грузии, поэтому не знаю, какое решение вынесли по моему делу.

Я не считаю себя каким-то сильно пострадавшим. Внутренне история с преследованием меня взбодрила. До этого я жил мирно и спокойно, и было не очень понятно, что ждет в будущем: доживу я в Грузии до пенсии или нет? А тут жизнь завертелась, больше думаешь и решаешь, как быть дальше. Бывает так, что попадаешь в поганую ситуацию и потом думаешь: «Блин, зачем я это сделал?». В случае выхода на протест у меня совершенно нет такого — у меня ощущение, что я делал правильные вещи.

Меня очень радует, что в Грузии люди все еще выходят на акции и что это происходит мирно, я продолжаю болеть за протест. Если грузинская оппозиция победит и будут перевыборы, то я, конечно, с удовольствием бы вернулся в страну, учил бы язык и пытался получить гражданство.

Фото: Irakli Gedenidze / Reuters

«Нахуя ты туда поперся? Ты же русский». Максим[4], 37 лет

Переехавший в Грузию после начала войны музыкант из Петербурга рассказывает, как во время митинга в Тбилиси возмутился полицейской жестокостью. Максим потерял сознание после избиения спецназом, очнулся уже в микроавтобусе, где задержанных били «для успокоения». После суток в полиции его отвезли в суд, напомнивший Россию: полицейские-гопники, свидетели из МВД и Геббельс на заставке телефона у конвоира. «Ко мне проявляли больше всего интереса, потому что мое лицо было разбито сильнее всех, и плюс все видели, что я русский». День рождения он встретил в изоляторе в Багдати, где отбывал 13 суток ареста. Суд принял решение о выдворении Максима из Грузии, но он его пытается обжаловать.

Я родился в Беларуси, большую часть жизни провел в Мурманске, а последние девять лет — в Петербурге. До эмиграции я играл музыку в нескольких коллективах плюс работал на складе, в пивоварне — такой рабочий класс.

В ноябре 2022 года я приехал в Грузию, потому что больше не мог выносить атмосферу давления [в России]. Некоторые знакомые, так сказать, начали проявлять очень странную позицию, и меня эта

атмосфера очень угнетала. Я приехал в Грузию, потому что здесь уже была компания друзей, которые начали что-то делать. В Грузии дали работу [моей жене] Ксении.

Несколько месяцев я сидел без работы, потому что в стране не самая лучшая ситуация с ней плюс есть языковой барьер. Я клеил объявления, работал на мойке, поваром в кафе, потом устроился в бар.

Я всегда интересовался акциями протеста, еще в России с середины нулевых ходил на них: это были какие-то левые, первомайские демонстрации. Потом это стало немного опаснее, потому что правоохранительные органы [начали вести себя гораздо жестче]. Тебя могут задержать, когда ты стоишь с белым листом бумаги, и потом что-нибудь припаять. Когда в ноябре я приехал в Грузию, я постоянно наблюдал, что у парламента стоят люди с какими-то требованиями — здесь гораздо легче выражать мнение.

Когда в 2024 году хотели принять закон об «иноагентах», я выходил, потому что понимал, к чему в свое время это привело в России; это был, так сказать, акт солидарности с местными гражданами. В то же время я не собирался участвовать в акциях, связанных с парламентскими выборами, потому что это не моя страна. Зачем вмешиваться?

Митинг и задержание. «Человека кидали на пол, на него садились двое и начинали избивать»

29 ноября примерно в 10–11 часов вечера я вышел из бара, где работаю, и увидел недалеко от площади Свободы скопление людей. За день до этого, я видел, там были акции с жесткими задержаниями. Из любопытства я решил посмотреть, что происходит, и встал где-то сбоку, смешавшись с толпой у парламента.

К этому моменту на проспекте Руставели уже стояла полиция. В какой-то момент она начала наступать в сторону толпы и избивать людей. Эмоции взяли верх, и я начал скандировать: «*Fuck police brutality*», «Нет полицейскому беспределу». Я считаю, что не очень правильно, когда избивают людей, которые просто стоят в толпе.

И так получилось, что в какой-то момент вся толпа оказалась позади меня, а я — спереди, перед шеренгой полиции. Я не успел сообразить, что происходит, заметил, что справа от меня бегут спецназовцы — люди в черных масках без опознавательных знаков. Они схватили меня — и что было дальше, я не помню, потому что у меня пропала память.

Очухался я уже в автобусе, похожем на маршрутку. У меня жестко болела голова, из носа шла кровь. Я понял, что меня приняли и избили. Напротив меня сидел взрослый грузин и еще несколько задержанных, всего было около десяти человек.

Потом начали заносить еще людей: открывалась либо задняя, либо боковая дверь, человека кидали на пол, на него садились двое и начинали избивать. Я вжался в кресло, подальше от этого всего. В этот момент сотрудник, повернув голову, заметил меня и раза

два-три ударил по лицу. Один мужчина, сидевший у боковой двери, спросил у них что-то на грузинском — ему с ноги несколько раз ударили в грудь. Избиения часто практиковались, так сказать, «для успокоения».

Я успел достать телефон и быстро отправить подруге геопозицию, чтобы она знала, где я и что. [Примерно в два-три часа ночи] машину набили полностью и нас по несколько человек начали развозить по отделениям полиции.

В полиции и КПЗ. «Я впервые увидел свое лицо и, мягко говоря, был в шоке»

Мне не сказали, куда меня везут. Привезли в отделение, завели в какой-то кабинет. Снова подошли люди в масках, попросили встать к стене и сфотографировали. Мне дали переводчика, полицейские начали составлять протокол, задавали вопросы: «Нахуя ты туда поперся? Ты же русский, че ты там делал?». Я говорил, что просто из любопытства пошел. Объяснять таким людям, что есть какая-то солидарность, думаю, бессмысленно.

Я попросился в туалет, впервые увидел свое лицо и, мягко говоря, был в шоке. Сзади была разбита голова, сломан нос, правый глаз очень плохо открывался, роговица залита кровью, ссадины на лбу, опухшие губы.

Переводчик спросил, нужен ли мне врач «или, может быть, до КПЗ[5] подождешь?». Мне вызвали скорую

и с двумя полицейскими отправили в больницу. Охранник, глядя на мое разбитое лицо, в шутку спросил: «Ты кто?». Я сказал: «С утра еще был

человеком». У меня спросили, есть ли страховка или деньги, чтобы вправить нос, но у меня ничего не было. Мне осмотрели глаза, проверили зрение, закапали какие-то капли.

Уже под утро меня увезли в КПЗ в Рустави[6]. Все вещи описали и забрали. Мне сказали, что больше двух суток меня держать не могут, потом будет суд и, скорее всего, меня отпустят под штраф в полторы-две тысячи лари. Меня отвели в камеру, я попросил воды и вырубился. Первый день я не мог нормально спать и есть, потому что в голову лезли разные мысли плюс все болело.

Камера в КПЗ — это бетонная коробка, выкрашенная самой хреновой краской, с железной двухъярусной кроватью и железным столом с двумя стульями. На кровати — матрас и шерстяное одеяло, которое можно было встретить в больницах в девяностых. И вечно включенный свет. Чтобы выйти в туалет или набрать воду, нужно было стучать в дверь, и тогда тебя отведут.

Я надеялся, что меня, как говорил переводчик, продержат сутки и отпустят под штраф. Утром я проснулся и понял, что если меня не отпустили, то, значит, будут вторые сутки.

Завели еще одного человека — русскоговорящего грузина с разбитой головой. Во время протестов он перелез через ограждение у парламента, и во внутреннем дворе его встретили спецназовцы. Он сказал врачам, что упал, чтобы потом не было последствий.

Суд. «Сидел сотрудник, у которого на заставке телефона был Геббельс»

Я снова отрубался, просыпался, и в какой-то момент ко мне зашли: «На выход. В суд тебя сейчас повезут». Двое полицейских заполнили документы, отдали мне вещи, посадили в патрульную легковушку, и мы поехали на суд. Они торопились успеть до шести вечера, потому что иначе им пришлось бы везти меня обратно в Рустави.

Привезли в Тбилисский городской суд, отвели в подвал здания — холл с грязными стенами, как на вокзале в России, где были такие же задержанные и куча полицейских. Ко мне проявляли больше всего интереса, потому что мое лицо было разбито сильнее всех и плюс все видели, что я русский.

Я сидел, курил, подходили какие-то полицейские и просто снимали меня на телефон — не очень ощущение, конечно. Когда узнавали, что я русский, они такие: «А нахуя ты полез? Где работаешь, чем занимаешься, че приехал?». Полицейские, которые там были, в принципе мало чем отличались от гопников.

Я просидел в подвале, наверное, часа три, из-за того что было много задержанных, около двадцати человек или больше. В итоге мой суд начался около полуночи. Помимо меня, в зал завели еще россиянина и пожилого грузина. Нас посадили за два стола, у меня и другого россиянина был переводчик. Каждому задавали вопросы: «Как и почему оказался на акции?».

У каждого был свидетель из полиции, который рассказывал, что ты делал и почему тебя задержали. Мой свидетель сказал, что он был в полицейском оцеплении и он якобы видел, как я выкрикивал лозунги, жестикулировал, поэтому они попросили спецназ, чтобы меня «угомонили».

На суде я узнал, что против меня уже составляли протокол за весенние протесты против закона об «иноагентах»: в июле мне назначили штраф полторы тысячи лари[7], но я об этом вообще не знал. Меня тогда не задерживали, видимо, как-то по камерам спалили.

Поэтому за повторное правонарушение обвинение потребовало для меня максимальное наказание: 15 суток ареста. Мне назначили 13 — с учетом двух суток, которые я отсидел в Рустави.

После суда меня вновь посадили в полицейскую машину, и мы примерно два часа ждали, когда станет понятно, куда меня распределят. Потом меня посадили в большой серый автобус с затонированными стеклами, где уже сидели примерно 20–25 задержанных, к каждому из них был прикреплен полицейский. Через проход по правую руку от меня сидел сотрудник, у которого на заставке телефона был Геббельс — я с этого, конечно, прикурил.

Ехали мы очень долго, потому что людей развозили по разным точкам: мы дважды заезжали в Кутаиси, потом еще в какой-то маленький город, оставляли полицейских в отделениях. Только к часу дня меня и еще двоих ребят привезли в Багдати[8].

Арест и больница в Багдати. «Врач при виде моего лица охренел»

В изоляторе нас осмотрела врач: она насчитала примерно 16–17 травм на лице, на теле были только ссадина на ноге и синяк на предплечье. Меня посадили в камеру.

Со мной был грузин, которого тоже задержали на протестах, когда он просто шел по улице. Ему оставалось сидеть четыре дня. Он больше двадцати лет прожил в России и вернулся в Грузию только пару лет назад. Мой сосед помог мне, чтобы я как-то коммуницировал с сотрудниками, когда мне нужен чай, поход в туалет или на прогулку. В камерах туалета нет, на него дают не больше пяти-семи минут. В душ разрешали ходить раз в три дня.

Камера в Багдати была похожа на ту, что в Рустави, но она было гораздо холоднее, потому что в ней, по-моему, не было отопления. Я был одет в полуботинки, джинсы, футболку, худи и куртку шерпа. В Багдати жил мой знакомый, который в первый день ареста привез мне свитер, теплые носки, сменную футболку. Постфактум я узнал, что он пытался передать шоколад, какие-то фрукты, полотенце, но это не приняли. Даже маску для сна не разрешили передать, хотя в камере круглосуточно горел свет, спать было не всегда удобно.

Сотрудники изолятора были гораздо человечнее, чем полицейские, относились с пониманием, что ли. Когда мой сосед вышел и у меня закончились сигареты, сотрудники сами приносили их. Причем

среди них был, кажется, всего один человек, который мог говорить по-русски.

Каждый день можно было ходить на часовые прогулки. Место для прогулок — продолговатое помещение полтора на четыре метра с окнами без стекол, но с решетками. Походишь по нему туда-сюда, выкуришь пару сигарет, на солнце посмотришь и обратно. В камере тоже можно было курить, там работала мощная вытяжка.

Мне передали несколько книг. В библиотеке изолятора была только одна книга на русском языке — 650 страниц каких-то романов и повестей про Великую Отечественную войну. Кроме курения и чтения, заняться было нечем. Так как душ разрешали всего раз в три дня, то делать какие-то физические упражнения — тебе же хуже будет.

Три раза в день давали поесть: паштет, тушеную говядину и свежий хлеб. Был еще «суп» — стакан быстрорастворимой лапши с зеленью, залитый водой. Когда мой сосед освободился, он оставил мне пачку сосисок, пару пури и несколько яблок, это немного помогло продержаться. Если бы не передачки, то было бы довольно мало еды.

Меня осматривал врач, мне капали глаза. У меня есть межпозвоночная грыжа, около сантиметра; когда бывает прохладно, она обостряется, и у меня начинает болеть левая нога, становится сложно ходить. Я просил обезболивающее, мне его тоже выдавали.

Адвокат во время одного из визитов сказала: «Может быть, у тебя сотряс? Давай попробуем обследоваться».

У меня после избиения до сих пор проблемы с памятью, я имена авторов некоторых книг не могу вспомнить.

Перед отправкой в больницу в изолятор вызвали наряд полиции. Тут уже мне надели наручники и под конвоем в машине скорой помощи отвезли до больницы. Всего мне пришлось провести в наручниках шесть часов — опыт так себе.

В больнице мне сделали МРТ: сотрясения не было, но подтвердился двойной перелом носа, у основания переносицы и со стороны правого крыла. Сейчас у меня хуже дышит правая ноздря, и я начал храпеть по ночам.

В больнице мне попался классный молодой врач, который при виде моего лица охренел. Пока я ждал заключение МРТ, он спросил: «А ты кушал сегодня?». Я сказал, что нет, и попросил чай с какой-нибудь булочкой. Он принес мне творог, суп, чай, хлеб. Из разговора с ним я понял, что он, скорее всего, сопереживает людям, которые выходят на акции. Подробно поговорить мы не могли из-за конвоя полицейских. После МРТ меня отвезли обратно в камеру.

В изоляторе ко мне приезжала правозащитница из какой-то местной организации, я рассказал ей свою историю. Еще ко мне приезжали следователи из Кутаиси — в рамках расследования дела о превышении должностных полномочий сотрудников, которые участвовали в разгоне митинга. Они зафиксировали оставшиеся следы побоев и спрашивали: «Вы помните лица людей,

которые вас избивали?». А они все были в черном и в балаклавах, как я мог их запомнить, кроме глаз?

10 декабря я встретил в камере свой день рождения, а 13-го меня выпустили. Срок ареста отсчитывается со времени составления протокола в полиции, а не с момента фактического задержания на акции, поэтому меня должно были выпустить в 2:15 ночи.

Ходатайство о выдворении. «Адвокаты сказали, что может быть слежка»

Перед освобождением я волновался, потому что у меня не было наличных для такси и я не знал, встретит ли меня кто-нибудь. Сумка с моими вещами хранилась в специальном шкафчике в изоляторе, но она никак не была опечатана. Например, в КПЗ в Рустави вещи при тебе складывали в специальный пакет на липучке.

Когда меня выпустили, на лестнице стояла Ксюша, а за ней двое полицейских. Меня попросили пройти вместе с ними в участок рядом с изолятором, там ждал переводчик.

Я переживал, что моя административка может перейти в уголовку. Спросил переводчика: «Что происходит? Я домой вообще попаду сегодня?». Он: «Вам все скажут, вы все узнаете». У меня снова начали спрашивать, как меня зовут, за что меня задержали и все в таком духе, хотя эти данные уже были в моем деле. Ты накручиваешь себя, потому что находишься в неведении.

Мы просидели так где-то час, и на меня начали составлять новый протокол. Я спрашиваю переводчика: «Зачем?». «Вы все узнаете». Партнерша нервничает, приехавший за нами водитель нервничает, я тоже сижу взбешенный. Потом переводчик сказал, что мне нужно будет приехать в миграционную службу в Тбилиси. Я спросил: «А вы не могли мне сразу об этом сказать?». Но ответа не последовало.

После освобождения у меня была легкая паранойя. Адвокаты сказали мне, что может быть слежка. Когда я сидел в КПЗ, по моему месту жительства приходили сотрудники полиции в гражданском, рассказывал сосед. Дверь в квартиру вскрывается на раз-два, я боялся, что мне могут что-нибудь подкинуть, за уши можно что угодно притянуть. Когда я шел на работу, я немного параноил, когда видел тачку с затонированными окнами.

16 декабря я пришел в миграционный департамент полиции Грузии. Там снова записали мои данные: когда я последний раз въезжал, есть ли у меня ВНЖ, где я работаю. Через пару дней стало известно, что миграционная служба подала в суд ходатайство о моем выдворении.

Суд удовлетворил его, но мы с адвокатом подали апелляцию, которая обнуляет срок выдворения. Потом адвокат может пойти и в Верховный суд.

Как таковых планов на будущее нет, потому что я не понимаю, как и куда переезжать. С финансовой точки зрения я не знаю, какую страну потяну. Я хочу дождаться решения суда, закончить в Грузии с

работой, заняться банально сбором вещей. В других жизненных реалиях я вернулся бы в Россию на какое-то время, но нет.

Кто в Грузии помогает задержанным на протестах

— Ассоциация молодых юристов Грузии (GYLA). Форма для запроса помощи.
— Горячая линия бесплатной помощи от объединения грузинских правозащитных организаций: +995 577 070 563. Форма для запроса помощи.
— Горячая линия уполномоченного по правам человека в Грузии: 1481.
— Пост с номерами телефонов изоляторов Грузии для поиска задержанных.

Фото: Irakli Gedenidze / Reuters

«Зачем они меня пиздят, как гопота в подворотне?» Иван[9], 30 лет

В Грузии Иван не планировал участвовать в протестах, но когда в декабре начались митинги против результатов выборов, пошел посмотреть. При задержании его повалили на землю, Иван «почувствовал, как по мне толпой наносят удары».

Избиения продолжались и в микроавтобусе. В отделе полиции уже не били, отпустили через 48 часов. Позже один суд оштрафовал его на 2700 лари, а другой выдворил из страны, поскольку Служба государственной безопасности назвала его «угрозой безопасности». Решение суда Иван не обжаловал, ему пришлось уехать из Грузии.

Когда началась война в Украине, я был за границей. Летом 2022-го, после того как пошли санкции, блокировки карт, я приехал в Грузию, чтобы открыть счета и как-то легализоваться. Мне понравились условия для работы в стране, была довольно удобная система с низким налогообложением, я открыл ИП — в общем оказалось довольно много причин, чтобы остаться здесь. Осенью 2022-го я еще возвращался в Россию, но с декабря практически все время жил в Грузии.

Я особо не копался и не разбирался в грузинской политике, но в общих чертах обсуждал с людьми, что тут происходит и как все устроено. Довольно быстро стало понятно, что у политического режима в Грузии есть своя специфика: есть оппозиционный президент, есть провластный парламент, а еще есть миллиардер Бидзина Иванишвили, который, как считается, рулит всем на самом деле.

За то время, что я жил в Грузии, несколько раз проходили протесты по разным поводам. Когда были митинги, я не ходил на них как активист. Моя позиция такая: в чужой стране мне не к кому и не с чем обращаться, чтобы выражать какую-то позицию. Когда ты приходишь в гости и хозяева начинают

между собой ругаться, самое дурацкое, что можно сделать, — пытаться встать на чью-то сторону.

В России я не участвовал в протестных акциях. В Грузии я впервые увидел крупные митинги вживую. На протяжении всего времени, что я жил в Тбилиси, я, конечно, симпатизировал протесту, симпатизировал людям, которые выступают за права человека, за свободу, за то, чтобы двигать свое общество в сторону развития, а не в сторону деградации и архаизации, но я не считал себя вправе участвовать в этом лично.

Митинг и задержание. «Я почувствовал, как по мне толпой наносят удары»

Я не собирался появляться на митингах. 29 ноября, на второй день протестов, меня позвала на них подружка — для меня это было просто прогулкой на общественное мероприятие. Не было такого, что я шел выразить свою политическую позицию.

Судя по предыдущим протестам, было ощущение, что в Грузии есть культура протеста, что это легитимное мероприятие: люди выходят, полиция стоит и следит за порядком, как это и должно быть. На тот момент у меня не было понимания, что акции жестко разгоняют, а спецназ применяет силу.

Мы пришли на площадь перед парламентом, а там уже фейерверки, водометы, столкновения, движ, экшен. Очень быстро стало понятно, что происходит какой-то серьезный замес. Меня затянуло любопытство, и я подошел поближе к улице, где происходили столкновения.

Жизнь кипела. Стояло полицейское оцепление и машина с водометом, которая иногда обливала людей, какие-то заряженные грузины в экипировке что-то кидали в ответ. На проспекте Руставели зажгли костры, чуваки в балаклавах сбивали дубинами камеры со столбов. Но в этом, на мой взгляд, не было чего-то маргинального: у людей были эмоции, им не нравилось, что их загоняют в какие-то рамки.

Я все это снимал и не заметил момента, когда основная группа протестующих, которая просто стояла и ничего не делала, сместилась в сторону, а я остался ближе к полиции. Стало понятно, что протест начинают разгонять, а силовики продвигаются вперед.

Я попытался присоединиться к отходившей толпе и в какой-то момент почувствовал, что меня толкают в спину. Сначала подумал, что это кто-то обгоняет сзади, но в следующую секунду меня повалили на землю. Я почувствовал, как по мне толпой наносят удары. Я закрыл голову и стал рассуждать: либо это злые грузины, которые распознали во мне русского и решили показательно отмудохать, либо это спецназ. Но я не понимал: зачем они меня пиздят, как гопота в подворотне?

Меня подняли, и я понял, что это спецназ. Рядом были три-четыре человека, они завели мне руки за спину и повели. Я не сопротивлялся: окей, идем. Пока мы шли, меня били по лицу и по телу какие-то встречные сотрудники, которые не участвовали в моем задержании.

Меня завели за оцепление у парламента и бросили в микроавтобус. Там уже сидели, кажется, два человека: грузин и русский в возрасте, они тоже были избиты. У спецназа была фишка: когда они приводили кого-то нового, то тех, кто уже сидел, еще раз избивали. Они были прям в боевом угаре, на кураже.

Людей продолжали приводить. У одного грузина руки были закреплены строительной стяжкой, у него была повреждена челюсть. Мне показалось, что с грузинами поступали очень жестко, потому что они при задержании пытались как-то сопротивляться, отбиваться, кричать, даже в микроавтобусе они протестовали. Один парень что-то сказал силовикам, а они в ответ ему с яростью гавкнули такое, что у чувака аж слезы покатились. Было страшно, потому что не было понятно, до какой степени этот беспредел может дойти.

По ощущениям, мы просидели в микроавтобусе пару часов. В хаосе я успел написать друзьям, что меня задержали, и отправил им геометку. В районе трех часов ночи меня в числе первых вывели из автобуса. Забрали телефон, надели наручники, посадили в легковой автомобиль и повезли оформляться.

В полиции и КПЗ. «Градус пиздеца сильно снизился, местами было приятно»

Отделение находилось где-то в районе аэропорта. Помещение было похоже на какой-то неотапливаемый ангар или павильон, в который принесли столы. Там уже полицейские действовали по протоколу: объяснили, что нам вменяется и что нас задерживают до 48 часов, спросили, нужна ли

медицинская помощь, предоставили переводчика, изъяли и сложили в запечатанный пакет вещи.

Атмосфера была дружелюбная: мы стреляли у копов сигареты, один задержанный грузин вообще оказался корешем полицейского, они шутили, смеялись. В сравнении с автозаком градус пиздеца сильно снизился, местами даже было приятно — не знаю, может, это стокгольмский синдром.

Потом нас всех посадили в автобус и повезли в другой конец города, в КПЗ в Загеси[10]. Туда мы приехали уже к семи утра и затем очень долго ждали. В изолятор заводили по одному человеку в час, меня забрали самым последним, где-то в два-три часа дня.

В КПЗ пустых камер, судя по числу открытых «кормушек» в дверях, было очень много, и никого, кроме задержанных на акции, в изоляторе не было. Сотрудники сделали мой снимок на фоне стены с отметками для измерения роста. Разрешили сделать один звонок, но при условии, что я сам назову номер, но я ничьих номеров не помнил. Ко мне еще подошел парень из какой-то международной правозащитной организации, сказал, что они готовы бесплатно меня защищать, но я даже не успел обменяться с ним контактами, потому что меня увели.

Потом меня осмотрели врачи, насчитали две или три травмы на лице, на теле ничего не было. Я сначала не признался врачам, что меня избили, но потом все рассказал, и они удивились: «Мы сами в шоке, не знаем, что происходит, первый раз такое». Надо сказать, что при задержании я чувствовал удары, но не чувствовал повреждений. Может быть, я такой

крепкий, а может быть, у спецназа не было цели меня как-то травмировать.

Меня завели в камеру, там уже сидел один россиянин. В виде санузла у нас было гениальное устройство: унитаз с бачком, который выполнял функцию раковины. За больше чем двенадцать часов задержания меня ни разу не кормили, пришлось несколько раз напоминать об этом. Принесли баланду — что-то среднее между супом и кашей с кусками мяса в металлической миске. Вкус был, как у любой еды из государственного учреждения: есть можно, но без удовольствия. Вечером мне друзья передали пакет с сигаретами и какими-то ништяками, но при этом мне не дали ужин, видимо, зачли в счет передачки. Двое суток мы с сокамерником как-то протянули.

В изоляторе меня несколько раз выводили на общение с омбудсменом и адвокатом. Через 48 часов меня отпустили, выдали все вещи, но не дали какой-либо бумаги, что я задерживался.

Суд, штраф и выдворение. «Порядочные граждане разошлись, остались только непорядочные»

На следующий день после освобождения мне позвонили из миграционной службы и вызвали на беседу. Я приехал, сотрудник сказал, что будет решаться вопрос о моем выдворении, и, подмигнув, намекнул, что есть способ избежать проблем: в ближайшее время выехать из страны и заехать обратно — и все, административку снимут. Потом другая сотрудница службы задала мне вопросы, не

связанные с митингом и задержанием, и она тоже сказала, что мне надо выехать из страны и вернуться.

Меня отпустили, но потом еще несколько раз звонили: «Ну что, вы собираетесь выезжать? Как соберетесь, позвоните нам обязательно». Я сначала уши развесил, думал: «О, как классно и удобно, съезжу, вернусь, и с меня все снимут». Но потом я поговорил с людьми, и мне все сказали, что это какая-то херня, что меня не впустят и что в полиции просто хотят облегчить себе работу.

Затем мне на электронную почту пришли материалы дела по поводу выдворения. Там были ответы на запросы в разные ведомства, и среди них был документ от Службы госбезопасности, в котором говорилось, что я «несу угрозу безопасности». Юристы мне сказали, что на основании этой формулировки любые апелляции могут просто отклонить.

Через две недели мне позвонили и сказали, что назначен суд по протоколу о неподчинении сотруднику полиции[11] и хулиганстве[12]. Я отпросился с работы и приехал на заседание.

В зале суда сидел переводчик и вызванные в качестве свидетелей менты: мой конвоир и еще кто-то. Один на грузинском говорит: «Мы стоим в оцеплении и видим, как Иван агрессивно машет руками и выкрикивает ругательства». Этого, конечно, не было, и я спрашиваю: «На каком языке я выкрикивал ругательства?». «На русском». Судья спрашивает: «А как вы поняли, что это ругательство, вы же не знаете русского». «Ну, русские ругательства мы знаем».

Оба чувака оттарабанили буквально один и тот же текст. Их аргументация рассыпалась, и я думал, что сейчас справедливость восторжествует, но ни хера: виновен по всем пунктам и штраф в 2700 лари[13]. Оказалось, что я виновен

потому, что не подчинился команде полиции по громкоговорителю во время акции: «Граждане, расходитесь». Порядочные граждане разошлись, а остались только непорядочные — вот так мне это завернули. Штраф в 2700 лари — это ощутимая для меня сумма, половина месячной зарплаты. Но я его не заплатил, потому что так и не смог получить документ для оплаты.

24 декабря судья удовлетворил ходатайство по делу о моем выдворении, и на следующий день мне пришло на почту уведомление о решении. Я в него даже не вчитывался, увидел только, что в течение десяти дней, до 3 января, мне нужно будет покинуть страну.

Я встретил Новый год и 2 января выехал из Грузии через сухопутную границу. На паспортном контроле был нервный момент, в очереди меня без объяснения остановили, сказали ждать, но через десять минут снова подозвали, поставили штамп и отпустили.

Честно говоря, для меня эта история закончилась скорее позитивно, я доволен тем, как все сложилось. Конечно, появились бытовые неприятности в связи с внезапным переездом, но я давно хотел уехать из Грузии. Меня держало в стране какое-то ощущение халявы и зоны комфорта, тот же один процент налогов по ИП.

Поначалу кажется, что ты наебал весь мир, но у таких пряников есть свой кнут, вторая сторона, поэтому лучше платить больше налогов, но зато в стране, где права человека соблюдаются.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя изменено.

2. Статья 173 КоАП Грузии.

3. Дела всех демонстрантов тогда рассматривал Тбилисский городской суд.

4. Попросил не указывать его фамилию.

5. Камера предварительного заключения. В Грузии этим термином обозначают и места, где отбывают срок ареста по административным статьям (то, что в России обычно называют ИВС или спецприемниками).

6. Город в 30 километрах от Тбилиси.

7. 52 тысячи рублей.

8. Город в 210 километрах от Тбилиси.

9. Попросил не указывать его фамилию.

10. Поселок в пригороде Тбилиси.

11. Статья 173 КоАП Грузии.

12. Статья 166 КоАП Грузии.

13. 93 тысячи рублей.